

Случился у нас с ним разговор о власти и науке. А поводом послужила информация о том, что принято решение о строительстве экспериментального термоядерного реактора (проект ИТЭР) во Франции. Я знал, что решение это принималось на самом высоком уровне в США, Японии, России, Франции, в других странах, и участником переговоров был академик Велихов. А началась наша беседа с такого вопроса:

Когда вы были молодым, о чем мечтали? И в какой степени эти мечты осуществились?

- Я всегда имел в виду какую-то конкретную задачу.

- Просто шагали в будущее?

- Лучше идти туда шаг за шагом, чем «летать во сне»... К примеру, нашел метеорит - это было еще в школе, но в это не поверил даже учитель. Я начал доказывать, что это именно метеорит. Потом занялся магнитными генераторами - делал их, потом термояд - и это стало главным... То есть какой-то грандиозной мечты, особенно связанной с регалиями и премиями, у меня не было никогда. Меня интересовали всегда какие-то задачи. Причем иногда они были не физическими, а инженерными.

- Неужели термоядерный реактор - ИТЭР - не заслуживает, к примеру, Нобелевской премии?

- ИТЭР - длительная и весьма сложная история, в которой на разных этапах участвовало множество людей. «Удержаться» с ним было сложно. Ведь первые идеи появились еще в 1975 году, а проект начался в 1985-м. Немногим удалось выдержать столь длительные испытания. Мы прошагали путь от голой идеи до реальности...

- ИТЭР уже можно «пощупать» руками?

- Реактор спроектирован, есть трехмерное его изображение, можно войти внутрь, «пощупать», увидеть и оценить все сделанное... Фантастика стала реальностью. Науки осталось еще очень много, есть неясности, нужен обширный поиск, но с точки зрения инженерной его уже можно строить. Принципиальных изменений не будет.

- Вы считаете себя одним из главных конструкторов ИТЭРа?

- Вопрос сформулирован неверно. Я принимал участие в его создании с самого начала, но таких людей было немало. Это коллективное творчество - российское, американское, европейское, японское... Многие люди вложили туда свои идеи.

- Но все-таки у вас была особая роль?

- Задача у меня была во многом «президентская»: быть полностью в курсе дел, следить за тем, чтобы программа двигалась, развивалась...

- Приходилось себя ограничивать?

- Постоянно! Ни в коем случае нельзя брать на себя решение частных задач, многие свои функции нужно делегировать другим участникам проекта и программы. Необходимо так общаться с людьми и так взаимодействовать с ними, чтобы они принимали правильные решения сами. ИТЭР был построен так, что все его участники должны были на своих уровнях принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность. Это принципиальное отличие от системы, что существует у нас. Виза главного конструктора на проекте обязательна, она решающая - так было в Советском Союзе, так есть и в России. Проект ИТЭР требовал иных подходов, коллективные решения - и ответственность за них каждого на своем месте, которая соединялась в коллективную. Вот тут и можно говорить о роли президента - я следил, чтобы не было ошибок и чтобы они не превращались в лавину.

- Вам пришлось бороться с «внешними силами»? Я имею в виду президента США, который однажды объявил, что Америка выходит из проекта...

- Это была ошибка, допущенная американцами в 1998 году. Там всегда находилась группировка, которая выступает против фундаментальных исследований и международного сотрудничества. Некото-

3 февраля академику Велихову исполняется 70 лет. Коллектив «Московской среды» сердечно поздравляет Евгения Павловича с юбилеем!

Когда в разговоре о нашей науке необходимо компетентное, авторитетное мнение, как правило, обращаются к академику Евгению Павловичу Велихову - одному из крупнейших физиков страны, президенту Курчатовского научного центра. Но есть еще Велихов, который нам известен мало.

Академик Евгений ВЕЛИХОВ:

СКРОМНОСТЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К НАЧАЛЬСТВУ - АНТИНАУЧНА!

рые сенаторы считают, что Америка должна поддерживать только те проекты и программы, где она играет ведущую роль. В ИТЭРе этого нет. К сожалению, администрация поддержала эту идею. И американское научное сообщество поддалось на эту удочку, поддержало ошибочное решение. Это было «глухое невежество профессоров». Я говорил об этом и с вице-президентом Гором, и с президентом Клинтонем. Как только был избран президентом Буш, он в первом же своем выступлении заговорил об энергии и энергетике, без которой будущее Америки невозможно. После этого я довольно долго пробыл в США, встречался со специалистами, близкими к Белому дому. В конце концов удалось доказать, что проект ИТЭР - проект №1 по энергетике в XXI веке. Стало ясно, что американцы должны либо примкнуть к этой программе, либо делать что-то свое, не менее эффективное. У президента Буша хватило мудрости принять верное решение - работать сообща с нами.

- Вы упоминаете Буша, Клинтона, Гору, Рейгана...

- Можно и других добавить, потому что ИТЭР оказался в центре политических страстей. Горбачев собирался в первую зарубежную поездку во Францию. Поскольку у меня с ним были довольно близкие отношения, то я пришел к нему и рассказал об ИТЭРе. При встрече с Миттераном Горбачев высказал идею о совместной работе, а я ввел президента Франции в суть дела, рассказал о деталях. Вскоре включился в проект и Буш-старший...

- Извините, что перебиваю, но просто обязан спросить: какое отношение вы имели к власти, к тому же Горбачеву? Честно говоря, я не знаю других академиков, которые могли бы запросто зайти к Генеральному секретарю ЦК КПСС и рассказать ему о своих идеях... Как возникли эти особые отношения?

- Ну почему - особые? Помощником у Горбачева был академик Осипьян. Думаю, что могли зайти по своим вопросам и Харитон, и Александров, и Уткин... В общем, многие. Так что о какой-то исключительности я не сказал бы... Михаил Сергеевич Горбачев - открытый человек, с ним можно было обсуждать проблемы. У меня же «скромности по отношению к начальству» не было...

- «Скромность к начальству» - по-моему, звучит неожиданно и оригинально!

- Пожалуй. Так вот: у меня ее не было, потому что за мной стоял Курчатовский институт - особый в истории нашей нау-

ки. Институт был либеральный, и в то же время там всегда было желание участвовать в крупных задачах. Поэтому многие соприкасались с властью. Первое, с чем я выходил «наверх», стали МГД-генераторы. Для меня было очевидно, что эту идею нужно донести до власти. Ее обсуждали в Оборонном отделе ЦК, в Совете министров. Это были времена Хрущева, а потом и Брежнева...

- Разве выйти «на самый верх» было тогда не сложно?

- Между властью и наукой отношения были особые. Подчас даже очень теплые. У того же Анатолия Петровича Александрова - с Брежневым, Устиновым... Потом мне стало известно, что Устинов знал еще моего отца, но об этом никогда не упоминал. Авторитет Александрова открывал все двери, и в Военно-промышленной комиссии, что была в Совете министров СССР, к нашим идеям и предложениям всегда относились внимательно. Однако с министром средмаша Ефимом Павловичем Славским отношения были напряженными. С его стороны, конечно. Он мне не доверял. Ему казалось, что я фантазер и придумываю «не то»... К счастью, во власти были образованные и эрудированные люди. В частности, тот же Устинов. Неверно представлять, будто он занимался только военными делами. Строительство 6-метрового телескопа напрямую связано с ним, да и другие проекты, сугубо научные, он поддерживал.

В общем, после создания атомной бомбы и успехов в ракетном деле и космосе доверие власти к ученым было очень высоким. Причем доверие всюду - и в Министерстве финансов, и в Госплане, и в ведомствах. Что важно: разговаривали люди власти с теми учеными, кто понимал суть дела. Звания особого значения не имели. «Наверх» приглашали тех, кто способен был решать проблемы. Разговаривали не «с погонянами», а с человеком. Я мог спокойно общаться с высшими руководителями страны. Помню, привозил Дмитрия Федоровича Устинова со всем Генеральным штабом к себе в Пахру. Они осматривали все, обсуждали проблемы. И это было не исключением, а нормой.

- Они старались предугадать будущее?

- Для любого высшего руководителя страны это необходимо. Кстати, приезд столь представительной делегации в Пахру был связан с лазерным оружием. Я сказал тогда, что для завершения работ нужно построить пару установок. Устинов же отдал распоряжение помочь ученым, и деньги были немедленно выделе-

ны... Этим примером я хочу показать, насколько быстро власть реагировала на просьбы ученых.

- Тогда вы не были ни академиком, ни директором института?

- Был доктором наук и заведующим отделом. Тем не менее с властью был контакт - с тем же Устиновым мы говорили на профессиональном уровне. Он понимал суть проблемы и видел, что я смогу ее решить. Этого было достаточно, чтобы заручиться его поддержкой.

- Сегодня такое возможно?

- Я могу, конечно, позвонить тем, кого знаю, и они, думаю, не откажут. Но не уверен, что между нами возникнет «контакт понимания». Скорее речь идет о доверии ко мне лично, а не к науке в целом. Тогда была общая идея, общая цель. Нельзя сказать, что все было организовано разумно, но власть и наука шли в одном направлении. Следует вспомнить, что в 1981 году Папа Римский написал письмо об опасности ядерной войны. На него большое влияние оказали врачи. Он написал письмо и руководителям СССР. Надо было объяснить в Ватикане нашу позицию. Послали туда меня, молодого вице-президента Академии наук.

- И вас это не удивило?

- Нет. В традициях Курчатовского института было ощущение причастности к главным событиям, происходящим в мире. Еще очень молодым человеком меня послали от института на конференцию в Зальцбург. Для большинства молодых людей в стране, а также для всех служб секретности это было весьма странным, но курчатовцы находились на особом положении, а потому у нас были хорошие отношения с представителями мировой науки.

- И все-таки выбор на вас пал не случайно?

- Безусловно. В то время я уже начал серьезно заниматься проблемой ядерной войны... Итак, Ватикан, Рим - и знаменитая «Римская декларация», в которой осуждалась ядерная война. Тридцать академиков собрались в Риме, чтобы ее подписать. Но добиться этого было нелегко: сомневались европейцы, возражали некоторые представители азиатских стран... Однако нам удалось добиться того, что Декларация была подписана. Убежден, что она сыграла свою роль. Я размышлял о том, каким будет окончание XX века. В то время происходило много настоящих событий. В частности, я имею в виду и появление космического оружия. Нам пришлось приложить нема-

лые усилия, чтобы добиться моратория. И Андропов пошел на это.

- Легко?

- С ним самим по этому вопросу я не разговаривал. Проблему решали вместе с Ахромеевым и Корниенко (это Генеральный штаб и Министерство иностранных дел). В 1983 году случилось нечто уникальное: никаких соглашений с американцами по поводу космического оружия мы не подписывали, тем не менее его создание было приостановлено. Негласная договоренность действует до сих пор! Начало прорастать взаимопонимание между нашими странами... Я старался найти нетрадиционные пути.

- Например?

- Принимал тех американцев, которых никто здесь не принимал. К примеру, одного из руководителей Информационного агентства США. Он был ярким антисоветчиком, и с ним отказались встречаться все чиновники. Я его принял в Академии наук. Или тот же Шарон. С ним опять-таки все отказались встречаться, а я согласился... Это не было бравадой. Просто я понимал, что есть определенные нормы отношений между государственными деятелями, и если мы намерены участвовать в мировой политике, то их нужно соблюдать! Да и цели были высокие: речь шла о ядерном разоружении, ради этого догмами можно было пожертвовать. Такая позиция повышала мой авторитет, что открывало двери в очень высокие кабинеты.

- А можете поделиться личным мнением о Горбачеве?

- Ему трудно было принимать верные решения. Потом он стал слишком уж сильно доверять только себе... Поначалу мы радовались, что он пришел к власти. Мы стояли с Кручиной на пятом этаже и ждали, чем закончится заседание Политбюро. Это было сразу после смерти Брежнева. Когда узнали, что председателем комиссии по похоронам, а значит - в ближайшей перспективе - и Генеральным секретарем, избран Михаил Сергеевич, я первым зашел к нему в кабинет, поздравил.

- Так просто можно было зайти?

- Можно было... Конечно, Горбачев сделал фантастическое дело - он закончил «холодную войну». Я не представлял, что подобное возможно. Не сомневался, что история оценит это очень высоко. А с другой стороны - борьба с пьянством: глупо и жестко. Тем не менее продолжительность жизни взрослого мужского населения России выросла, смертность резко упала. В 91-м году смертность опять резко подскочила. Так что простых оценок исторических событий и личностей не бывает...

- А ваша оценка Ельцина?

- В какой-то степени с ним мне было проще. Он чувствовал себя почти царем, а потому считал свои решения обязательными для всех. И это подчас помогало решать крупные проблемы.

- К примеру?

- Допустим, судьбу Академии наук СССР. Все шло к тому, что ее ликвидируют, а Российской академии придется создавать заново. Многие академики не верили: мол, подобного произойти не может! Они просто не отдавали себе отчет, что случится в стране и во власти. Команда Ельцина, кстати, и вела речь об уничтожении АН СССР. Надо было действовать, и я пошел к Ельцину. Надо отдать ему должное - он все понял...

- У меня такое представление, что в вас участвуют два человека: один участвует в создании оружия, а другой борется за разоружение...

- Первый человек, ученый, который принял правильное решение, был Клаус Фукс. Тот самый физик, который передал все секреты создания американского ядерного оружия в Советский Союз. Он это делал не потому, что любил Сталина, а потому, что считал недопустимым монополию на это страшное оружие. И он был прав, так как планета превратилась в сумасшедший дом. Произведено огромное количество атомных бомб - пятьдесят тысяч боеголовок! И в этом процессе я принимал участие... С другой стороны, пацифизм не изменяет реальную ситуацию. Противодействие войне - это трудная и повседневная работа, и ее нужно кому-то делать. В первую очередь тем, кто лучше понимает опасность всемирной ядерной войны. Надо быть сильным, чтобы не допустить такой войны. Вот и приходится шагать по краю пропасти, постепенно отходя от этого края.

- Роль науки в этом велика?

- Науки, на мой взгляд, недостаточно. Нужна еще политическая воля. А потому ученые просто обязаны взаимодействовать с властью.

Владимир ГУБАРЕВ